

ПОДЛИННОЕ ИСКУССТВО ВСЕГДА СОВРЕМЕННО

(Беседа с Генрихом Бёлем)

Генрих Бёль — вновь в гостях у редакции «Иностранной литературы». Два года, прошедших после предыдущей встречи, были весьма насыщенными для писателя: он закончил роман «Групповой портрет с дамой», много ездил.

— За последнее время я побывал в Норвегии, Швеции, Югославии, Венгрии, Англии, — рассказывает Г. Бёль. — В США я посетил ряд университетов, читал там лекции. В своих американских впечатлениях я еще не совсем разобрался, они сложны и очень противоречивы. У меня не раз возникали интереснейшие беседы со студентами, в частности на политические темы. Среди множества вопросов, которые мне задавали, большинство касалось представления европейцев об Америке. Американская молодежь стала глубже, чем когда-либо, задумываться над тем, какою видят Америку европейцы. Об этом думает не только молодежь, но и значительная часть интеллигенции. Они во многом утратили прежнюю наивную самоуверенность. Это, очевидно, связано и с войной во Вьетнаме, и с экономическими последствиями, которые она за собой повлекла. Америке, одной из великих держав, победивших во второй мировой войне, непросто свыкнуться с мыслью, что ее экономика теперь не так уж стабильна. Кризис доллара, расовые и другие проблемы подрывают многие укоренившиеся представления. Чем все это может разрешиться, трудно сказать. Большинство уни-

верситетских студентов, с которыми я беседовал, тоже этого не знают. Но они задумываются — и это уже хорошо. Это будет иметь положительные последствия... Как может повлиять на этот процесс политика «вьетнамизации»? Трудно сказать. Но, кстати, самая резкая критика этой политики звучит в американской прессе. То, что пишут в западногерманских газетах, например о войне во Вьетнаме, берется из американских источников. Очень важно, что многое становится достоянием гласности. И важна зреющая уверенность, что решить эти проблемы должны сами американцы...

Что нового за последнее время появилось в западногерманской литературе?

— Я работал над романом и почти ничего не читал. Впрочем, могу назвать некоторые книги. Например, первую часть романа молодого писателя Вернера Коха «Жизнь у моря». Это история человека, работающего на крупном предприятии. Он, по всей видимости, одаренный специалист, и ему разрешают перенести свое бюро на берег моря, подальше от того города, где находится предприятие. Может показаться, что он вполне свободен, но постепенно читателю становится ясно, насколько эта свобода ограничена уже в мелочах. Так, например, владелец предприятия выпускает талоны на питание, и герой обязан их брать вместе с жалованьем. Однако ресторан, где он должен ими расплачиваться, находится в городе, за сотни километров от его места жительства и работы. Использовать эти

талоны он никак не может. И это оказывается для него неразрешимой проблемой. Но вообще он свободен, совершенно свободен... Или, например, служебные поездки, командировки. Куда бы ему ни пришлось ехать, все расходы рассчитывает за него компьютер, он высчитывает до мелочи стоимость дороги, суточных, гостиницы и т. д. Но все эти расчеты исходят из того, что командированный едет из города. А герой живет на побережье и, напротив, приезжает в город. Поэтому ничто не соответствует действительности, ему не нужно жить в гостинице, он готов даже сам оплачивать дорогу. Но это невозможно, это исключено. А в остальном он свободен, абсолютно свободен. Так автор наглядно показывает ограниченность, относительность свободы своего вроде бы свободного героя. Не знаю, интересен ли этот роман для советского читателя, но сам я, читая, заметил, что с напряжением слежу за развитием этой абсурдной и в то же время весьма жизненной ситуации. Роман имел неожиданный успех. Надеюсь, что будет второй том.

Упомяну еще молодого писателя Гердта Гофмана. Он написал три-четыре не очень больших, но ювелирно точных по мастерству книги. Одна из них посвящена широкому кругу проблем, связанных с вычислительной техникой, программированием. Написана она необычайно увлекательно. Это одновременно и научно-популярная, и художественная литература. Книга, наверно, трудна для перевода, автор постоянно экспериментирует с языком, вводит много новых, непривычных слов и оборотов. Но она очень интересна...

Какой общественный резонанс получил в Западной Германии роман З. Ленца «Урок немецкого», тепло встреченный советскими читателями?

— У нас он имел сенсационный успех. Его экранизировали, показывали по первой программе телевидения, которую смотрят 30—40 миллионов зрителей. Проблемы, созданные фашизмом и минувшей войной, проблемы вины, ответственности, понятны большинству немцев. Постановка этих вопросов не вызывает сейчас серьезного сопротивления. Сегодня гораздо острее стоят у нас проблемы, связанные с некоторыми неблагоприятными явлениями технизации. Это очень обширный, сложный круг вопросов. Уже не фашизм, а развитие промышленной бюрократии порождает трудности и ограничения, на которые постоянно наталкивается человек, которые стесняют его свободу. Особенно серьезные препятствия ставит такое развитие перед теми, кто создает художественные ценности.

Литература и искусство представляются мне одним из проявлений свободы. Художник, писатель волен передать, сообщить свои мысли и чувства читателю. Волен он и в выборе формы, в способе выражения. В этом смысле, мне кажется, форма выражения в искусстве также несет в себе

идею свободы. Искусство нельзя втискивать в определенные рамки, в шаблон. Художнику нужно быть смелым. И только если он будет «заходить слишком далеко», не будет бояться «выходить за рамки», «за пределы», только тогда он поймет и почувствует по-настоящему, где эти пределы и в чем именно они заключаются. Литература в наше время становится человечнее, потому что она не предлагает готовых формул. Она порождает новые формы свободы. С этой точки зрения литература тоже прогрессирует.

Как это понять? Что вы считаете прогрессом в искусстве?

— Это мне легче пояснить на примере изобразительного искусства. В традиционной живописи — натуралистической, реалистической — существовали свои определенные представления, каноны. Ван Гог опрокинул эти иконографические каноны, за что при жизни подвергся нападкам. После смерти Ван Гога у него появилось множество подражателей. Действительно, после Ван Гога, так же как в литературе после Бодлера и Джойса, которые тоже разрушили каноны, установленные до них, уже нельзя было творить по-старому.

Но это не значит, что надо отказываться от старого искусства, от той живописи, что была до Ван Гога. В этом смысле можно говорить о разнице между искусством современным и «модным» в искусстве. «Мода» — это уже своего рода клише, со временем она проходит, перестает быть современной. Подражатели Ван Гога были злободневными, модными, но не стали существенно реальными для любого времени. А вот такой писатель, как Фонтане, остается всегда современным, существенно реальным для любого времени. То, как он в своих произведениях поднимал общественные вопросы и проблемы пола, теперь кажется вполне безобидным, но в свое время это было революционно-злободневным. В живописи это очевиднее; писатели — народ хитрый, их не сразу раскусишь, особенно когда они сами начинают говорить о себе. Можно пояснить это и примером из области политики. Когда шестидесятилетняя крестьянка-католичка из Баварии голосует за социал-демократов — это огромный прогресс, это более примечательно, чем дортмундский студент, голосующий за коммунистов. Прогресс в искусстве — также вещь относительная. Можно накапливать знания, совершенствовать приемы. Но когда такой писатель, как Лев Толстой, снимает ореол святости в изображении картин войны, даже когда он рассказывает о такой героической, патриотической войне, какой была война 1812 года для России, — разве это и сейчас не современно, не существенно?

Как вы относитесь к модным сейчас на Западе теориям о кризисе литературы?

— По-моему, кризис в литературе существует постоянно. Нет литературы без кризиса. Так же, как нет писателя, который не

находился бы в состоянии непрерывного кризиса. Такой писатель просто не мог бы писать. Я в этом убежден. Ведь автор постоянно рискует, и этот элемент риска необходим в искусстве. Он никогда заранее не знает наверняка, удастся ли ему замысел. Он может написать не одно талантливое произведение и тем не менее никогда не бывает заранее уверен, что и следующая его работа будет хорошей. Вот что я понимаю под постоянным кризисом писателя. Он должен находиться в состоянии непрестанной борьбы со своим материалом.

Это не тот кризис, который имеют в виду, когда спорят, можно ли с помощью литературы изменить мир или писатель должен добиваться политических изменений с помощью протестов, демонстраций, публичных выступлений. Кризис, о котором говорим мы, существует издавна, он не связан со стереотипным противопоставлением «ангажированной» или «неангажированной» литературы. По-моему, это ложная альтернатива. Художник не должен свысока,нисходительно поучать, внушать свои взгляды, он должен просто выражать то, что он хочет, и настолько полно, насколько способен, не ограничивая себя никакими побочными соображениями. Нужно доверять читателю, нужно исходить из того, что

он сам способен размышлять, способен воспринимать и самые сложные мысли, и самые разнообразные литературные приемы. Только при максимальном доверии и уважении к читателю можно в самом деле воздействовать на него — но как на равноправного собеседника.

Передо мной никогда не стоял вопрос, «ангажирован» я или «не ангажирован». Такой проблемы для меня просто не существует. Другое дело, что я многого не могу выразить, у меня не хватает для этого средств. Но из уважения к читателю я не вправе опуститься ниже определенного уровня. Я хотел бы говорить с читателем так же, как говорю с собой. Кризис литературы возникает, в частности, тогда, когда автор либо высокомерно начинает считать, что он выше публики и вправе сообщать ей какие-то истины — тогда он становится слишком тенденциозным, и художественный смысл его сочинений остается непонятным, — либо когда он слишком спускается к читателям и, стремясь к доходчивости, потворствует низкопробным вкусам. Многие авторы испытывают такие сомнения: нашел ли он должный уровень? Но самое страшное для писателя — впасть в рутину. Тогда он должен прекратить писать.

Запись М. СЕРГЕЕВА

